Iolstoi, Lev Nikolaevich

Posmertnyia zapiski...

891.73
T654POS

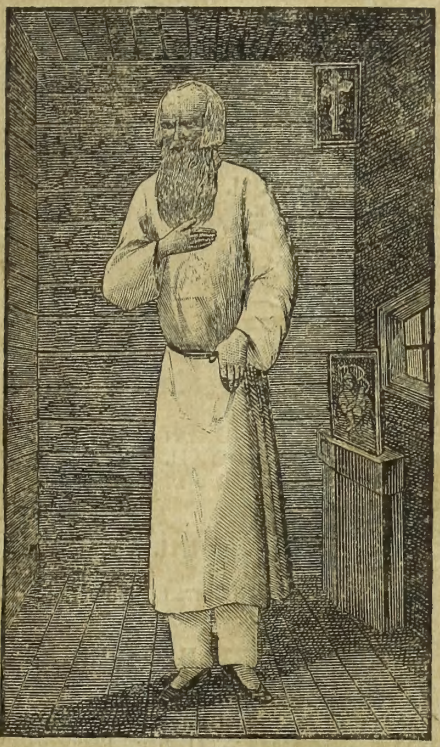
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Л. Н. Толстой.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ СТАРЦА ЕДОРА КУЗЬМИЧА.



1080. Изданіе „ПОСРЕДНИКА“.

Произведенія Л. Н. Толстого, изданныя „Посредникомъ"

Кругъ чтенія. *Избранныя, собранныя и расположенныя каждый день Львомъ Толстымъ мысли, разсказы и статьи ихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи.*

Томъ I. Ц. на бумагѣ верже 1 р. 50 к., на лучш. бум. 1 р. на простой бум. 80 к.

Томъ II. Выпускъ 1. Ц. на бум. верже 80 к., на лучш. бум. на простой бум. 40 к.

Краткое изложеніе Евангелія. Ц. 15 к.

I. Исповѣдь. II. Изъ мыслей о Богѣ. Цѣна на бум. верже на простой бум. 20 к., на дешевой бум. 10 к.

I. Жизнь и ученіе Іисуса. II. Какъ читать Евангеліе. Ц. **Ученіе Христа, изложенное для дѣтей.** Ц. 15 к.

Въ чемъ моя вѣра? Ц. 30 к.

Такъ что же намъ дѣлать? Вып. 1-й. Ц. 30 к. Вып. 2-й Ц.

Ученіе двѣнадцати апостоловъ. Недавно открытое сочи временъ апостоловъ. Перев. съ греческ. и введеніе Л. Н. Толстого. I

I. О жизни. II. О новомъ жизнепониманіи. Ц. на пр бумагѣ 35 к.

Христіанское ученіе. Ц. 25 к.
Религія и нравственность. Ц. 5 к.
Для души. Ц. 3 к.
Для совѣсти. Ц. 3 к.
Неизбѣжный переворотъ. Ц. 10 к.
Единая заповѣдь. Ц. 12 к.
Благодарная почва. Ц. 7 к.
Любите другъ друга. Ц. 3 к.
Вѣрьте себѣ! Ц. 5 к.
Зеленая палочка. Ц. 4 к.
Къ вопросу о свободѣ воли. Ц. 4 к.

Педагогическія статьи:

О народномъ образованіи. (Статья 1862 г.). Ц. 4 к.
О методахъ обученія грамотѣ. Ц. 4 к.
Воспитаніе и образованіе. Ц. 6 к.
Прогрессъ и опредѣленіе образованія. Ц. 6 к.
Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у или намъ у крестьянскихъ ребятъ? Ц. 5 к.
Ясно-полянская школа. Ц. 16 к.
О народномъ образованіи. (Статья 1875 г.). Ц. 10 к.

О писателяхъ и о книгахъ:

Выпускъ I. **Ларошфуко, Лабрюйеръ и Вовенаргъ.** Ц. Выпускъ II. **Паскаль.** Ц. 3 к. Выпускъ III. **Анри Амiель.** Ц. Выпускъ IV. **Гюи де-Мопассанъ.** Ц. 5 к. Выпускъ V. **Вильгельмъ фонъ-Поленцъ.** Ц. 3 к. Выпускъ VI. **С. Т. Семеновъ.** Ц. 2 к.

Tolstoĭ, Lev Nikolaevich

Л. Н. Толстой.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Posmertnyia zapiski

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ

СТАРЦА

Ѳедора Кузьмича,

умершаго 20 января 1864 г. въ Сибири, близъ города Томска, на заимкѣ купца Хромова.

№ 1080. Изданіе „ПОСРЕДНИКА“.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульв.. соб. домъ.
1912.

891.73
T654POS

С.-Петербургскимъ Комитетомъ по дѣламъ печати 24 февраля с. г. былъ наложенъ арестъ на «Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича» Л. Толстого, помѣщенныя въ № 2 за 1912 г. журнала «Русское Богатство».

20 марта с. г. С.-Петербургская Судебная Палата въ II Уголовномъ Департаментѣ въ распорядительномъ засѣданіи слушала предложеніе прокурора Судебной Палаты отъ 12 марта 1912 г. за № 3531 съ сообщеніями Главнаго Управленія по дѣламъ печати отъ 24 февраля с. г. за № 2555 и отъ 9 марта с. г. за № 3201 о наложеніи ареста на «Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича» Л. Толстого.

Разсмотрѣвъ означенныя сообщенія, опредѣлила: оставить въ силѣ распоряженіе С.-Петербургскаго Комитета по дѣламъ печати о наложеніи ареста на означенную статью впредь до исключенія **16 строкъ** изъ нея на 23 стр.

Въ нашемъ изданіи это мѣсто, согласно этому постановленію С.-Петербургской Судебной Палаты, исключено.

Редакція.

Посмертныя записки
СТАРЦА
Ѳедора Кузьмича,

умершаго 20-го января 1864 года въ Сибири, близъ города Томска, на заимкѣ купца Хромова.

Еще при жизни старца Ѳедора Кузьмича, появившагося въ Сибири въ 1836 году и прожившаго въ разныхъ мѣстахъ 27 лѣтъ, ходили про него странные слухи о томъ, что это—скрывающій свое имя и званіе, что это—не кто иной, какъ императоръ Александръ I; послѣ же смерти его слухи еще болѣе распространились и усилились. И тому, что это былъ дѣйствительно Александръ I, вѣрили не только въ народѣ, но и въ высшихъ кругахъ и даже въ царской семьѣ въ царствованіе Александра III. Вѣрилъ этому и историкъ царствованія Александра I ученый Шильдеръ.

Поводомъ къ этимъ слухамъ было, во-первыхъ, то, что Александръ умеръ совершенно неожиданно, не болѣвъ передъ этимъ никакой серьезной болѣзнью; во-вторыхъ, то, что умеръ онъ вдали отъ всѣхъ въ довольно глухомъ мѣстѣ—Таганрогѣ; въ-третьихъ, то, что, когда онъ былъ положенъ въ гробъ, тѣ, кто видѣли его, говорили, что онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его, и что поэтому его закрыли и никому не показывали; въ-четвертыхъ, то, что Александръ не-

однократно говорилъ, писалъ (и особенно часто въ послѣднее время), что онъ желаетъ только одного: избавиться отъ своего положенія и уйти отъ міра; въ-пятыхъ,— обстоятельство мало извѣстное,—то, что въ протоколѣ описанія тѣла Александра было сказано, что спина его и ягодицы были багрово-сизо-красныя, что никакъ не могло быть на изнѣженномъ тѣлѣ императора.

Что же касается до того, что именно Кузьмича считали скрывшимся Александромъ, то поводомъ къ этому было, во-первыхъ, то, что старецъ былъ ростомъ, сложеніемъ и наружностью такъ похожъ на императора, что люди (камеръ-лакеи, признавшіе Кузьмича Александромъ), видавшіе Александра и его портреты, находили между ними поразительное сходство: и одинъ и тотъ же возрастъ и та же характерная сутуловатость; во-вторыхъ, то, что Кузьмичъ, выдававшій себя за непомнящаго родства бродягу, зналъ иностранные языки и всѣми пріемами своими величавой ласковости обличалъ человѣка, привыкшаго къ самому высокому положенію; въ-третьихъ, то, что старецъ никогда никому не открылъ своего имени и званія, а между тѣмъ невольно прорывавшимися выраженіями выдавалъ себя за человѣка, когда-то стоявшаго выше всѣхъ другихъ людей; въ-четвертыхъ, то, что онъ передъ смертью уничтожилъ какія-то бумаги, изъ которыхъ остался одинъ листокъ съ шифрованными странными знаками и иниціалами А. и П.: въ-пятыхъ, то, что, несмотря на всю набожность, старецъ никогда не говѣлъ. Когда же посѣтившій его архіерей уговаривалъ его исполнить долгъ христіанина, старецъ сказалъ: „Если бы я на исповѣди не сказалъ про себя правды, небо удивилось бы: если же бы я сказалъ, кто я,—удивилась бы земля“.

Всѣ догадки и сомнѣнія эти перестали быть сомнѣніями и стали достовѣрностью вслѣдствіе найденныхъ записокъ Кузьмича. Записки эти слѣдующія. Начинаются онѣ такъ:

I.

Спаси Богъ безцѣннаго друга Ивана Григорьевича *) за это восхитительное убѣжище. Не стою я его доброты и милости Божіей. Я здѣсь спокоенъ. Народа ходитъ меньше, и я одинъ съ своими преступными воспоминаніями и съ Богомъ. Постараюсь воспользоваться уединеніемъ, чтобы подробно описать свою жизнь. Она можетъ быть поучительна людямъ.

Я родился и прожилъ сорокъ семь лѣтъ своей жизни среди самыхъ ужасныхъ соблазновъ и не только не устоялъ противъ нихъ, но упивался ими, соблазнялся и соблазнялъ другихъ, грѣшилъ и заставлялъ грѣшить. Но Богъ оглянулся на меня, и вся мерзость моей жизни, которую я старался оправдать передъ собой и сваливать на другихъ, наконецъ, открылась мнѣ во всемъ своемъ ужасѣ. И Богъ помогъ мнѣ избавиться не отъ зла,—я еще полонъ его, хотя и борюсь съ нимъ,—но отъ участія въ немъ. Какія душевныя муки я пережилъ и что совершилось въ моей душѣ, когда я понялъ всю свою грѣховность и необходимость искупленія (не вѣры въ искупленіе, а настоящаго искупленія грѣховъ своими страданіями), — я разскажу въ своемъ мѣстѣ. Теперь же опишу только самыя дѣйствія мои: какъ я успѣлъ уйти изъ своего положенія, оставивъ вмѣсто своего трупа трупъ замученнаго . . . до смерти солдата, и приступлю къ описанію своей жизни съ самаго начала.

Бѣгство мое совершилось такъ.

Въ Таганрогѣ я жилъ въ томъ же безуміи, въ какомъ

*) Иванъ Григорьевичъ Латышевъ, это крестьянинъ села Краснорѣчинскаго, съ которымъ Ѳедоръ Кузьмичъ познакомился и сошелся въ 1839 году и который, послѣ разныхъ перемѣнъ мѣста жительства, построилъ для Кузьмича въ сторонѣ отъ дороги, въ горѣ, надъ обрывомъ въ лѣсу, келью. Въ этой кельѣ и началъ Кузьмичъ свои записки.

Прим. автора.

жилъ всѣ эти послѣдніе двадцать четыре года. Я—величайшій преступникъ. . . . . .

. . . вѣрилъ тому, что мнѣ про меня говорили, считалъ себя спасителемъ Европы, благодѣтелемъ человѣчества, исключительнымъ совершенствомъ, un heureux hasard *), какъ я сказалъ это m-me Staël. Я считалъ себя такимъ, но Богъ не совсѣмъ оставилъ меня, и недремлющій голосъ совѣсти, не переставая, грызъ меня. Все мнѣ было нехорошо, всѣ были виноваты. Одинъ я былъ хорошъ, и никто не понималъ этого. Я обращался къ Богу, молился то православному Богу съ Фотіемъ, то католическому, то протестантскому съ Нарротомъ, то иллюминатскому съ Крюднеръ. Но и къ Богу я обращался только передъ людьми, чтобы они любовались мною. Я презиралъ всѣхъ людей, а эти-то презрѣнные люди,—ихъ мнѣніе только и было для меня важно, только ради него я жилъ и дѣйствовалъ. Одному мнѣ было ужасно. Еще ужаснѣе съ нею, съ женою. Ограниченная, лживая, капризная, злая, чахоточная и вся притворство,—она хуже всего отравляла мою жизнь. Nous étions censés **) нашу новую жизнь lune de miel ***), а это былъ адъ въ приличныхъ формахъ, притворный и ужасный ****).

*) Счастливой случайностью.

**) Полагали, что мы проживали.

***) Медовый мѣсяцъ.

****) По изданной В. К. Николаемъ Михайловичемъ обширной переписке жены Александра, императрицы Елизаветы Алексѣевны, Левъ Николаевичъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что изобразилъ ее въ своихъ „Запискахъ Ѳедора Кузьмича“ не такой, какой она въ дѣйствительности была. Судя по этимъ письмамъ, она представляется личностью высокихъ душевныхъ качествъ, замѣчательно умной, сердечной и благородной. Левъ Николаевичъ говорилъ, что, въ виду этого, онъ, быть-можетъ, и измѣнилъ бы свою характеристику Елизаветы Алексѣевны, если бы сталъ продолжать свою работу надъ

Одинъ разъ мнѣ особенно было гадко. Я получилъ наканунѣ письмо отъ Аракчеева объ убійствѣ его любовницы. Онъ описывалъ мнѣ свое отчаянное горе. И, удивительное дѣло: его постоянная тонкая лесть, не только лесть, но настоящая собачья преданность, начавшаяся еще при отцѣ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ, тайно отъ бабушки, присягали ему,—эта собачья преданность его дѣлала то, что если я любилъ въ послѣднее время кого изъ мужчинъ, то любилъ его; хотя и неприлично употреблять это слово „любилъ", относя его къ этому извергу. Связывало меня съ нимъ еще и то, что онъ не только не участвовалъ въ убійствѣ отца, какъ многіе другіе, которые именно за то, что они были участники . . . . . мнѣ были ненавистны,—онъ не только не участвовалъ, но былъ преданъ отцу и преданъ мнѣ. Впрочемъ, про это послѣ.

Я спалъ дурно. Странно сказать, убійство красавицы, злой Настасьи (она была удивительно чувственно красива) вызвало во мнѣ похоть, и я не спалъ всю ночь. То, что черезъ комнату лежитъ чахоточная, постылая жена, не нужная мнѣ, злило и еще больше мучило меня. Мучили и воспоминанія о Мари (Нарышкиной), бросившей меня для ничтожнаго дипломата. Видно, и мнѣ и отцу суждено было ревновать къ Гагаринымъ. Но я опять увлекаюсь воспоминаніями. Я не спалъ всю ночь. Стало разсвѣтать. Я поднялъ гардину, надѣлъ свой бѣлый халатъ и кликнулъ камердинера. Всѣ еще спали. Я надѣлъ сюртукъ, штатскую шинель и фуражку и вышелъ мимо часовыхъ на улицу.

Солнце только-что поднималось надъ моремъ, былъ свѣ-

Ѳедоромъ Кузьмичемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не скрывалъ и того, что ему жалко было бы разстаться съ своимъ первоначальнымъ представленіемъ о ней и о взаимныхъ отношеніяхъ между обоими супругами, важнымъ для художественнаго обоснованія „ухода" Александра I.

Примѣч. В. Г. Черткова.

жій осенній день. На воздухѣ мнѣ сейчасъ же стало лучше. Мрачныя мысли исчезли, и я пошелъ къ игравшему мѣстами на солнцѣ морю. Не доходя до угла съ зеленымъ домомъ, я услыхалъ съ площади барабаны и флейты. Я прислушался и понялъ, что на площади происходила экзекуція: прогоняли сквозь строй. Я, столько разъ разрѣшавшій это наказаніе, никогда не видалъ этого зрѣлища. И странное дѣло (это, очевидно, было дьявольское вліяніе), мысли объ убитой чувственной красавицѣ Настасьѣ и объ разсѣкаемомъ шпицрутенами тѣлѣ солдата слились въ одно раздражающее чувство. Я вспомнилъ о прогнанныхъ сквозь строй семеновцахъ и о военно-поселенцахъ, сотни которыхъ были загнаны на-смерть, и мнѣ вдругъ пришла странная мысль посмотрѣть на это зрѣлище. Такъ какъ я былъ въ штатскомъ, я могъ это сдѣлать.

Чѣмъ ближе я шелъ, тѣмъ явственнѣе слышались барабанная дробь и флейта. Я не могъ ясно разсмотрѣть безъ лорнета своими близорукими глазами, но видѣлъ уже ряды солдатъ и движущуюся между ними высокую, съ бѣлой спиной фигуру. Когда же я сталъ въ толпѣ людей, стоявшей позади рядовъ и смотрѣвшей на зрѣлище, я досталъ лорнетъ и могъ разсмотрѣть все, что дѣлалось. Высокій человѣкъ съ привязанными къ штыку обнаженными руками и съ голой, кое-гдѣ алѣвшей уже отъ крови, разсѣченной бѣлой сутулой спиной, шелъ по улицѣ солдатъ съ палками. Человѣкъ этотъ былъ я, былъ мой двойникъ. Тотъ же ростъ, та же сутулая спина, та же лысая голова, тѣ же баки, безъ усовъ, тѣ же скулы, тотъ же ротъ и тѣ же голубые глаза; но ротъ не улыбающійся, а раскрывающійся и искривляющійся отъ вскрикиваній при ударахъ, и глаза не умильные, ласкающіе, а страшно выпяченные и то закрывающіеся, то открывающіеся.

Когда я вглядѣлся въ лицо этого человѣка, я узналъ его. Это былъ Струменскій, солдатъ, лѣво-фланговый унтеръ-офи-

церъ 3-й роты Семеновскаго полка, въ свое [время]*) извѣстный всѣмъ гвардейцамъ по своему сходству со мной. Его шутя называли Александромъ II.

Я зналъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ бунтовавшими семеновцами переведенъ въ гарнизонъ, и понялъ, что онъ, вѣроятно, здѣсь, въ гарнизонѣ, сдѣлалъ что-нибудь, вѣроятно, бѣжалъ, былъ пойманъ, и вотъ наказывается. Какъ я потомъ узналъ, такъ это и было.

Я стоялъ, какъ заколдованный, глядя на то, какъ шагалъ этотъ несчастный и какъ его били, и чувствовалъ, что что-то во мнѣ дѣлается. Но вдругъ я замѣтилъ, что стоявшіе со мной люди, зрители, смотрятъ на меня; одни сторонятся, другіе приближаются. Очевидно, меня узнали. Увидавъ это, я повернулся и быстро пошелъ домой. Барабаны все били, флейта играла; стало-быть, казнь все продолжалась. Главное чувство мое было то, что мнѣ надо было сочувствовать тому, что дѣлалось надъ этимъ двойникомъ моимъ. Если не сочувствовать, то признавать, что дѣлается то, что должно; и я чувствовалъ, что я не могъ. А между тѣмъ я чувствовалъ, что если я не признаю, что это такъ и должно быть, что это хорошо, то я долженъ признать, что вся моя жизнь, всѣ мои дѣла—все дурно, и мнѣ надо сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать: все бросить, уйти, исчезнуть.

Чувство это охватило меня. Я боролся съ нимъ; я то признавалъ, что это такъ и должно быть, что это печальная необходимость, то признавалъ, что мнѣ надо было быть на мѣстѣ этого несчастнаго. Но, странное дѣло, мнѣ не жалко было его, и я, вмѣсто того, чтобы остановить казнь, только боялся, что меня узнаютъ, и ушелъ домой.

---

*) Слова въ прямыхъ скобкахъ вставлены редакторами изданія посмертныхъ художественныхъ произведеній Л. Н. Толстого.

Прим. Ред.

Скоро перестало быть слышно барабаны, и, вернувшись домой, я какъ будто освободился отъ охватившаго меня тамъ чувства, выпилъ свой чай и принялъ докладъ отъ Волконскаго. Потомъ обычный завтракъ, обычныя, привычныя, тяжелыя, фальшивыя отношенія съ женой; потомъ Дибичъ и докладъ, подтверждавшій свѣдѣнія о тайномъ обществѣ. Въ свое время, описывая всю исторію своей жизни, опишу, если Богу будетъ угодно, все подробно; теперь же скажу только, что и это я внѣшнимъ образомъ принялъ спокойно. Но это продолжалось только до конца обѣда. Послѣ обѣда я ушелъ въ кабинетъ, легъ на диванъ и тотчасъ же заснулъ.

Едва ли я проспалъ пять минутъ, какъ толчокъ во всемъ тѣлѣ разбудилъ меня, и я услыхалъ барабанную дробь, флейту, звуки ударовъ, вскрикиванія Струменскаго и увидалъ его или себя,—я самъ не зналъ, онъ ли былъ я, или я былъ я,—увидалъ его страдающее лицо и безнадежныя подергиванія и хмурыя лица солдатъ и офицеровъ. Затменіе это продолжалось недолго; я вскочилъ, застегнулъ сюртукъ, надѣлъ шляпу и шпагу и вышелъ, сказавъ, что пойду гулять.

Я зналъ, гдѣ былъ военный гошпиталь, и прямо пошелъ туда. Какъ всегда, всѣ засуетились. Запыхавшись, прибѣжалъ главный докторъ и начальникъ штаба. Я сказалъ, что хочу пройти по палатамъ. Во второй палатѣ я увидалъ плѣшивую голову Струменскаго. Онъ лежалъ ничкомъ, положивъ голову на руки, и жалобно стоналъ.—Былъ наказанъ за побѣгъ,—доложили мнѣ.

Я сказалъ: „А!“ и сдѣлалъ свой обычный жестъ того, что слышу и одобряю, и прошелъ мимо.

На другой день я послалъ спросить: что Струменскій? Мнѣ сказали, что его причастили, и онъ умираетъ.

Это былъ день именинъ брата Михаила. Былъ парадъ и служба. Я сказалъ, что нездоровъ послѣ крымской поѣздки, и не пошелъ къ обѣднѣ. Ко мнѣ опять пришелъ Дибичъ и докладывалъ опять о заговорѣ во второй арміи, напоминая

то, что говорилъ мнѣ объ этомъ графъ Виттъ еще до крымской поѣздки, и донесеніе унтеръ-офицера Шервуда.

Тутъ только, слушая докладъ Дибича, приписывавшаго такую огромную важность этимъ замысламъ заговора, я вдругъ почувствовалъ все значеніе и всю силу того переворота, который произошелъ во мнѣ. Они дѣлаютъ заговоръ, чтобы измѣнить образъ правленія, ввести конституцію, — то самое, что я хотѣлъ сдѣлать двадцать лѣтъ тому назадъ. Я дѣлалъ и раздѣлывалъ конституціи въ Европѣ, и что и кому отъ этого стало лучше? И, главное, кто я, чтобы дѣлать это? Главное было то, что вся внѣшняя жизнь, всякое устройство внѣшнихъ дѣлъ, всякое участіе въ нихъ,— а ужъ я ли не участвовалъ въ нихъ и не перестраивалъ жизнь народовъ Европы?—было не важно, не нужно и не касалось меня. Я вдругъ понялъ, что все это не мое дѣло, что мое дѣло—я, моя душа. И всѣ мои прежнія желанія отреченія отъ престола,—тогда съ рисовкой, съ желаніемъ удивить, опечалить людей, показать имъ свое величіе души,— вернулись теперь, но вернулись съ новой силой и съ полной искренностью,—уже не для людей, а только для себя, для души. Какъ будто весь этотъ пройденный мной въ свѣтскомъ смыслѣ блестящій кругъ жизни былъ пройденъ только для того, чтобы вернуться къ тому юношескому, вызванному раскаяніемъ, желанію уйти отъ всего; но вернуться безъ тщеславія, безъ мысли о славѣ людской, а для себя, для Бога. Тогда это были неясныя желанія; теперь это была невозможность продолжать ту же жизнь.

Но какъ? Не такъ, чтобы удивить людей, чтобы меня хвалили, а, напротивъ, надо было уйти такъ, чтобы никто не зналъ и чтобы пострадать. И эта мысль такъ обрадовала, такъ восхитила меня, что я сталъ думать о средствахъ приведенія ея въ исполненіе; всѣ силы своего ума, своей, свойственной мнѣ, хитрости употребилъ на то, чтобы привести ее въ исполненіе.

И, удивительное дѣло, исполненіе моего намѣренія оказалось гораздо болѣе легкимъ, чѣмъ я ожидалъ. Намѣреніе мое было такое: притвориться больнымъ, умирающимъ и, подговоривъ и подкупивъ доктора, положить на мое мѣсто умирающаго Струменскаго, а самому уйти, бѣжать, скрывъ отъ всѣхъ свое имя.

И все дѣлалось какъ бы нарочно для того, чтобы мое намѣреніе удалось. 9-го я, какъ нарочно, заболѣлъ лихорадкой. Я проболѣлъ около недѣли, во время которой я все больше и больше укрѣплялся въ своемъ намѣреніи и обдумывалъ его. 16-го я всталъ и чувствовалъ себя здоровымъ.

Въ этотъ день я, какъ обыкновенно, брился и, задумавшись, сильно обрѣзался около подбородка. Пошло много крови, мнѣ сдѣлалось дурно, и я упалъ. Прибѣжали, подняли меня. Я тотчасъ же понялъ, что это можетъ мнѣ пригодиться для исполненія моего намѣренія, и, хотя чувствовалъ себя хорошо, притворился, что я очень слабъ, слегъ въ постель и велѣлъ позвать къ себѣ помощника Вилліе. Вилліе не пошелъ бы на обманъ, этого же молодого человѣка я надѣялся подкупить. Я открылъ ему свое намѣреніе и планъ исполненія и предложилъ ему восемьдесятъ тысячъ, если онъ сдѣлаетъ все то, что я отъ него требовалъ. Планъ мой былъ такой: Струменскій, какъ я узналъ, въ это утро былъ при смерти и долженъ былъ кончиться къ ночи.

Я ложился въ постель и, притворившись раздраженнымъ на всѣхъ, не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ подкупленнаго врача. Въ эту же ночь врачъ долженъ былъ привезти въ ваннѣ тѣло Струменскаго и положить его на мое мѣсто и объявить о моей неожиданной смерти. И, удивительное дѣло, все было исполнено такъ, какъ мы предполагали. И 17-го ноября я былъ свободенъ.

Тѣло Струменскаго въ закрытомъ гробу похоронили съ величайшими почестями. Братъ Николай вступилъ на престолъ,ославъ въ каторгу заговорщиковъ,—я видѣлъ по-

томъ въ Сибири нѣкоторыхъ изъ нихъ. Я же пережилъ ничтожныя, въ сравненіи съ моими преступленіями, страданія и незаслуженныя мною величайшія радости, о которыхъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Теперь же, стоя по поясъ въ гробу, 72-лѣтнимъ старикомъ, понявшимъ тщету прежней жизни и значительность той жизни, которой я жилъ и живу бродягой, постараюсь разсказать повѣсть своей старой жизни.

Моя жизнь.

12-го декабря 1849 года.

Сибирская тайга, близъ Краснорѣчинска.

Сегодня день моего рожденія, мнѣ семьдесятъ два года. Семьдесятъ два года тому назадъ я родился въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ моей матери императрицы, тогда великой княгини, Маріи Ѳедоровны.

Спалъ я сегодня ночью довольно хорошо. Послѣ вчерашняго нездоровья мнѣ стало нѣсколько легче. Главное, прекратилось сонное духовное состояніе, возобновилась возможность всей душой общаться съ Богомъ. Вчера, ночью, въ темнотѣ молился. Ясно созналъ свое положеніе въ мірѣ; я, вся моя жизнь есть нѣчто нужное Тому, Кто меня послалъ. И я могу дѣлать это нужное Ему и могу не дѣлать. Дѣлая нужное Ему, я содѣйствую благу своему и всего міра. Не дѣлая этого, лишаюсь своего блага,—не всего блага, а того, которое могло быть моимъ, но не лишаю міръ того блага, которое предназначено ему (міру). То, что я долженъ бы былъ сдѣлать, сдѣлаютъ другіе. И Его воля будетъ исполнена. Въ этомъ свобода моей воли. Но если Онъ знаетъ, что

будетъ, если все опредѣлено Имъ, то нѣтъ свободы? Не знаю. Тутъ предѣлъ мысли и начало молитвы, простой, дѣтской и старческой молитвы: „Отче, не моя воля да будетъ, но Твоя. Помоги мнѣ. Пріиди и вселися въ ны“. Просто: „Господи, прости и помилуй. Да, Господи, прости и помилуй, прости и помилуй. Словами не могу сказать, а сердце Ты знаешь, Ты Самъ въ немъ“.

И я заснулъ хорошо. Просыпался, какъ всегда, по старческой слабости разъ пять и видѣлъ сонъ о томъ, что купаюсь въ морѣ и плаваю, и удивляюсь, какъ меня вода держитъ высоко, такъ, что я совсѣмъ не погружаюсь въ нее; и вода зеленоватая, красивая, и какіе-то люди мѣшаютъ мнѣ, и женщины на берегу, и я нагой, и нельзя выйти. Смыслъ сновидѣнія тотъ, что мѣшаетъ мнѣ еще крѣпость моего тѣла, но выходъ близокъ.

Всталъ до разсвѣта, высѣкъ огня и долго не могъ зажечь сѣрничка; надѣлъ свой лосиный халатъ и вышелъ на улицу. Изъ-за осыпанныхъ снѣгомъ лиственницъ и сосенъ краснѣла красно-оранжевая заря. Внесъ вчера наколотныя дрова и затопилъ, и сталъ еще колоть. Разсвѣло. Поѣлъ размоченныхъ сухарей, печь истопилась, закрылъ трубу и сѣлъ писать.

Родился я ровно семьдесятъ два года тому назадъ, 12-го декабря 1777 года, въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ. Имя дано мнѣ было, по желанію бабки, Александра, въ предзнаменованіе того, какъ она сама говорила мнѣ, чтобы я былъ столь же великимъ человѣкомъ, какъ Александръ Македонскій, и столь же святымъ, какъ Александръ Невскій. Крестили меня черезъ недѣлю въ Большой церкви Зимняго дворца. Несла меня на глазетовой подушкѣ герцогиня курляндская; покрывало поддерживали высшіе чины. Крестной матерью была императрица; крестнымъ отцомъ былъ императоръ австрійскій и король прусскій. Комната, въ которую помѣстили меня, была такъ устроена по плану бабушки (я ничего этого не помню, но знаю по разсказамъ).

Въ обширной комнатѣ этой, съ тремя высокими окнами, посрединѣ ея, среди четырехъ колоннъ прикрѣпленъ къ высокому потолку бархатный балдахинъ съ шелковыми занавѣсами до полу. Подъ балдахиномъ поставлена кроватка желѣзная, съ кожанымъ тюфячкомъ, подушечкой и легкимъ англійскимъ одѣяломъ. Кругомъ балдахина балюстрада въ два аршина вышины, — такъ чтобы посѣтители не могли близко подходить. Въ комнатѣ никакой мебели, только позади балдахина постель кормилицы. Всѣ подробности моего тѣлеснаго воспитанія были обдуманы бабушкой: запрещено было меня укачивать; пеленали особеннымъ образомъ; ноги были безъ чулокъ; купали сначала въ теплой, потомъ въ холодной водѣ; одежда была особенная, надѣвалась сразу,— безъ швовъ и завязокъ; какъ только я началъ ползать, такъ меня клали на коверъ и предоставляли самому себѣ. Первое время мнѣ разсказывали, что бабушка часто сама садилась на коверъ и играла со мной. Я ничего этого не помню, не помню и кормилицы.

Кормилицей моей была жена садовникова молодца, Авдотья Петрова, изъ Царскаго Села. Я не помнилъ ея. Я увидалъ ее въ первый разъ, когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, и она въ Царскомъ подошла ко мнѣ въ саду и назвала себя. Было это въ то мое хорошее время моей первой дружбы съ Чарторижскимъ и искренняго отвращенія ко всему тому, что дѣлалось при обоихъ Дворахъ—какъ несчастнаго отца, такъ и ставшей мнѣ ненавистной тогда бабки. Я былъ еще человѣкомъ тогда, и даже не дурнымъ человѣкомъ, съ добрыми стремленіями. Я шелъ съ Адамомъ по парку, когда изъ боковой аллеи вышла хорошо одѣтая женщина съ необыкновенно добрымъ, очень бѣлымъ, пріятнымъ, улыбающимся и взволнованнымъ лицомъ. Она быстро подошла ко мнѣ и, упавъ на колѣни, схватила мою руку и стала цѣловать ее.

— Батюшка, ваше высочество!.. Вотъ когда Богъ привелъ...

— Кто вы?

— Кормилка ваша, Авдотья, Дуняша, одиннадцать мѣсяцевъ кормила. Привелъ Богъ взглянуть.

Я насилу поднялъ ее, спросилъ, гдѣ она живетъ, и обѣщалъ зайти къ ней. Милый intérieur ея чистенькаго домика: ея милая дочка, совершенная русская красавица, моя молочная сестра, [которая] была невѣстой берейтора придворнаго; отецъ ея, садовникъ, такой же улыбающійся, какъ и жена, и куча дѣтей, тоже улыбающихся,—всѣ они точно освѣтили меня въ темнотѣ. „Вотъ настоящая жизнь, настоящее счастье,—думалъ я.—Такъ все просто, ясно, никакихъ интригъ, зависти, ссоръ“.

Такъ вотъ, эта милая Дуняша и кормила меня. Главной няней моей была нѣмка Софья Ивановна Бенкендорфъ, а няней—англичанка Гесслеръ. Софья Ивановна Бенкендорфъ, нѣмка, была толстая, бѣлая, прямоносая женщина, съ величественнымъ видомъ, когда она распоряжалась въ дѣтской, и удивительно униженной, низкопоклонной, низкоприсѣдающей при бабушкѣ, которая была на голову ниже ея ростомъ. Она ко мнѣ относилась особенно раболѣпно и вмѣстѣ съ тѣмъ строго. То она была царицей въ своихъ широкихъ юбкахъ и съ своимъ величественнымъ прямоносымъ лицомъ, то вдругъ дѣлалась притворяющейся дѣвчонкой.

Прасковья Ивановна Гесслеръ, англичанка, была длиннолицая, рыжеватая, всегда серьезная англичанка. Но зато, когда она улыбалась, она разсіявала вся, и нельзя было удержаться отъ улыбки. Мнѣ нравилась ея аккуратность, ровность, чистота, твердая мягкость. Мнѣ казалось, что она что-то знаетъ такого, чего не зналъ никто: ни маменька, ни батюшка, даже сама бабушка.

Мать свою я помню сначала какъ какое-то странное, печальное, сверхъестественное и прелестное видѣніе. Красивая, нарядная, блестящая брилліантами, шелкомъ, кружевами и обнаженными полными, бѣлыми руками, она входила въ

мою комнату и съ какимъ-то страннымъ, чуждымъ мнѣ, не относящимся ко мнѣ грустнымъ выраженіемъ лица ласкала меня, брала на свои сильныя, прекрасныя руки, подносила къ еще болѣе прекрасному лицу, откидывала густые, пахучіе волосы, и цѣловала меня, и плакала, и разъ даже спустила меня съ рукъ и упала въ дурнотѣ...

Странное дѣло: внушено ли мнѣ это было бабушкой, или таково было обхожденіе со мною матери, или я дѣтскимъ чутьемъ проникъ ту дворцовую интригу, которой я былъ центромъ, но у меня не было простого чувства, даже никакого чувства любви къ матери. Что-то натянутое чувствовалось въ ея обращеніи ко мнѣ. Она какъ-будто что-то выказывала черезъ меня, забывая меня, и я это чувствовалъ. Такъ это и было. Бабка отняла меня отъ родителей, взяла въ свое полное распоряженіе для того, чтобы передать мнѣ престолъ, лишивъ его ненавидимаго ею сына, моего несчастнаго отца. Я, разумѣется, долго ничего не зналъ этого; но съ первыхъ же дней сознанія я, не понимая причинъ, сознавалъ себя предметомъ какой-то вражды, соревнованія, игрушкой какихъ-то замысловъ и чувствовалъ холодность и равнодушіе къ себѣ, къ своей дѣтской душѣ, не нуждавшейся ни въ какой коронѣ, а только въ простой любви. И ея-то и не было. Была мать, всегда грустная въ моемъ присутствіи. Одинъ разъ она, поговоривъ о чемъ-то по-нѣмецки съ Софьей Ивановной, расплакалась и выбѣжала почти изъ комнаты, заслышавъ шаги бабушки. Былъ отецъ, который иногда входилъ въ нашу комнату и къ которому потомъ водили меня съ братомъ; но отецъ этотъ, мой несчастный отецъ, еще больше и рѣшительнѣе, чѣмъ мать, при видѣ меня выражалъ свое неудовольствіе, сдержанный гнѣвъ даже.

Помню, какъ разъ насъ съ братомъ Константиномъ привели на ихъ половину. Это было передъ отъѣздомъ его въ путешествіе за границу въ 1781 году. Онъ вдругъ отстранилъ меня рукой и съ страшными глазами вскочилъ съ кресла

и, задыхаясь, заговорилъ что-то обо мнѣ и бабушкѣ. Я не понялъ, что, но помню слова:

— Après 62 tout est possible.

Я испугался, заплакалъ. Матушка взяла меня на руки и стала цѣловать и потомъ подносла ему. Онъ быстро благословилъ меня и, стуча своими высокими каблуками, почти выбѣжалъ изъ комнаты. Уже долго потомъ я понялъ значеніе этого взрыва. Они съ матушкой ѣхали путешествовать подъ именемъ Comte et Comtesse du Nord. Бабушка хотѣла этого. И онъ боялся, чтобы въ его отсутствіе онъ бы не былъ объявленъ лишеннымъ права на престолъ и я признанъ наслѣдникомъ...

Боже мой, Боже мой! И онъ дорожилъ тѣмъ, что погубило тѣлесно и духовно и его, и меня,—и я, несчастный дорожилъ тѣмъ же!

Кто-то стучится, произнося молитву: „Во имя Отца и Сына“. Я сказалъ: „Аминь“. Уберу писаніе, пойду, отопру. И, если Богъ велитъ, буду продолжать завтра.

13-го декабря.

Спалъ мало и видѣлъ нехорошіе сны. Какая-то женщина непріятная, слабая, жмется ко мнѣ, и я не ея боюсь, не грѣха, а боюсь, что увидитъ жена и будутъ опять упреки. Семьдесятъ два года, и я все еще не свободенъ. Наяву можно себя обманывать, но сновидѣніе даетъ вѣрную оцѣнку той степени, до которой ты достигъ. Видѣлъ еще,—и это опять подтвержденіе той низкой степени нравственности на которой я стою,—что кто-то принесъ мнѣ здѣсь во мно конфеты, какія-то необыкновенныя конфеты, и мы разобрали ихъ изъ моха и роздали. Но послѣ раздачи остались еще конфеты, и я выбираю ихъ для себя; а тутъ мальчикъ, в

дѣ сына турецкаго султана, черноглазый, непріятный, тя-
тся къ конфетамъ, беретъ ихъ въ руки, и я отталкиваю
о и между тѣмъ знаю, что ребенку гораздо свойственнѣе
ть конфеты, чѣмъ мнѣ, и все-таки не даю ему и чувствую
нему недоброе чувство, и въ то же время знаю, что
о дурно.

И, странное дѣло, наяву со мной нынче случилось это
мое. Пришла Марья Мартемьяновна. Вчера стучался отъ
я посолъ съ запросомъ, можетъ ли она побывать. Я ска-
лъ, что можно. Мнѣ тяжелы эти посѣщенія, но я знаю,
о ее огорчилъ бы отказъ. И вотъ нынче она пріѣхала.
олозья издалека слышно было, какъ визжали по снѣгу. И
а, войдя въ своей шубѣ и платкахъ, внесла кульки съ го-
инцами и такой холодъ, что я одѣлся въ халатъ. Она
ивезла оладей, масла постнаго и яблоковъ. Она пріѣхала
просить о дочери: сватается богатый вдовецъ,—отдавать ли?
нень мнѣ тяжело это ихъ представленіе о моей прозорли-
сти. Все, что я говорю противъ, они приписываютъ моему
ренію. Я сказалъ, что всегда говорю: что цѣломудріе
чше брака, но, по слову Павла, лучше жениться, чѣмъ
зжигаться. Съ ней вмѣстѣ пріѣхалъ ея зять, Никаноръ
вановичъ,—тотъ самый, который звалъ меня поселиться
его домѣ и потомъ, не переставая, преслѣдовалъ меня
оими посѣщеніями.

Никаноръ Ивановичъ этотъ—великое для меня искушеніе.
е могу преодолѣть антипатіи, отвращенія къ нему. „Ей,
споди, даруй мнѣ зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждать
рата моего“. А я вижу всѣ его согрѣшенія, угадываю ихъ
проницательностью злобы, вижу всѣ его слабости и не
огу побѣдить антипатіи къ нему, къ брату моему, къ но-
телю, такъ же, какъ и я, божественнаго начала.

Что значатъ такія чувства? Я въ моей долгой жизни не
азъ испытывалъ ихъ. Но самыя сильныя мои двѣ антипа-
и— это были: Людовикъ XVIII, съ его животомъ, горба-

тымъ носомъ, противными бѣлыми руками, съ его самоу
ренностью, наглостью, тупостью (вотъ я сейчасъ уже на
наю ругать его) и другая антипатія—этотъ Никаноръ И
новичъ, который вчера два часа мучилъ меня. Все мнѣ,
звука его голоса до волосъ и ногтей, вызывало во мнѣ
вращеніе, и я, чтобы объяснить свою мрачность Марьѣ М
темьяновнѣ, солгалъ, сказавъ, что мнѣ нездоровится. По
нихъ сталъ на молитву и послѣ молитвы успокоился. Б
годарю Тебя, Господи, за то, что одно, единственное од
что нужно мнѣ, въ моей власти. Вспомнилъ, что Никан
Ивановичъ былъ младенцемъ и будетъ умирать, тоже во
минлъ и о Людовикѣ XVIII, зная, что онъ уже умеръ
пожалѣлъ, что Никанора Ивановича уже не было, чтоб
могъ выразить ему мое доброе къ нему чувство.

Марья Мартемьяновна привезла мнѣ свѣчей, и я м
писать вечеромъ. Вышелъ на дворъ. Съ лѣвой стороны
тухли яркія звѣзды въ удивительномъ сѣверномъ сія
Какъ хорошо, какъ хорошо! Итакъ, продолжаю.

Отецъ съ матерью уѣхали въ заграничное путешест
и мы съ братомъ Константиномъ, родившимся два г
послѣ меня, перешли на все время отсутствія родителей
полное распоряженіе бабки. Брата назвали Константино
въ ознаменованіе того, что онъ долженъ былъ быть гре
скимъ императоромъ въ Константинополѣ.

Дѣти всѣхъ любятъ, особенно тѣхъ, которые любятъ и л
каютъ ихъ. Бабка ласкала, хвалила меня, и я любилъ
несмотря на отталкивающій меня дурной запахъ, котор
несмотря на духи, всегда стоялъ около нея, особенно ко
она брала меня на колѣни. И еще непріятны мнѣ были
руки, чистыя, желтоватыя, сморщенныя, какія-то скольз
глянцевитыя, съ пальцами, загибающимися внутрь, и дале
неестественно оттянутыми, обнаженными ногтями. Глаза у
были мутные, усталые, почти мертвые, что вмѣстѣ съ у
бающимся беззубымъ ртомъ производило тяжелое, но не

лкивающее впечатлѣніе. Я приписывалъ это выраженіе
азъ . . . . . .
. . . ея трудамъ о своихъ народахъ, какъ мнѣ внушили
о, и я жалѣлъ ее за это томное выраженіе глазъ. Видѣлъ
раза два Потемкина. Этотъ кривой, косой, огромный, чер-
ый, потный, грязный человѣкъ былъ ужасенъ. Особенно же
касенъ онъ мнѣ былъ тѣмъ, что онъ одинъ не боялся бабки
говорилъ своимъ трескучимъ голосомъ громко при ней и
гѣло, хотя и называя меня высочествомъ, ласкалъ и тор-
шилъ меня.

Изъ тѣхъ, кого я видалъ у нея въ это мое первое время
тства, былъ еще Ланской. Онъ всегда былъ съ ней, и
ѣ замѣчали его, всѣ ухаживали за нимъ. Главное, сама
ператрица безпрестанно оглядывалась на него. Я не по-
малъ, разумѣется, тогда, что такое былъ Ланской, и онъ
ень нравился мнѣ. Нравились мнѣ его букли, нравились
тянутыя въ лосины красивыя ляжки и икры, нравилась его
селая, счастливая, беззаботная улыбка и брилліанты, кото-
ые повсюду блестѣли на немъ.

Время это было очень веселое. Насъ возили въ Царское;
л катались на лодкахъ, копались въ саду, гуляли, катались
лошадяхъ. Константинъ, толстенькій, рыженькій, un petit
acchus, какъ его называла бабушка, веселилъ всѣхъ сво-
ми шутками, смѣлостью и выдумками. Онъ всѣхъ пере-
азнивалъ: и Софью Ивановну и даже саму бабушку.

Важнымъ событіемъ за это время была смерть Софьи Ива-
вны Бенкендорфъ. Случилось это вечеромъ въ Царскомъ,
и бабушкѣ. Софья Ивановна только-что привела насъ
слѣ обѣда и что-то говорила, улыбаясь, какъ вдругъ лицо
стало серьезно, она зашаталась, прислонилась къ двери,
ользнула по ней и тяжело упала. Сбѣжались люди, насъ
ели. Но на другой день мы узнали, что она умерла. Я
лго плакалъ и скучалъ и не могъ опомниться. Всѣ думали,
о я плакалъ о Софьѣ Ивановнѣ, а я плакалъ не о ней, а о

томъ, что люди умираютъ, что есть смерть. Я не могъ п
нять этого, не могъ повѣрить тому, чтобы это была участ
всѣхъ людей. Помню, что тогда въ моей дѣтской пятилѣ
ней душѣ возстали во всемъ своемъ значеніи вопросы
томъ, что такое смерть, что такое жизнь, кончающаяся сме
тью,—тѣ главные вопросы, которые стоятъ передъ всѣм
людьми и на которые мудрые ищутъ и находятъ отвѣт
и легкомысленные стараются отстранить, забыть. Я сдѣлал
какъ это свойственно ребенку и особенно въ томъ мірѣ, в
которомъ жилъ, я отстранилъ отъ себя эту мысль, забы.
про смерть, жилъ такъ, какъ-будто ея нѣтъ, и вотъ дожи.
до того, что она стала страшна мнѣ.

Другое важное событіе въ связи со смертью Софьи Ив
новны былъ переходъ нашъ въ мужскія руки и назначен
къ намъ въ воспитатели Николая Ивановича Салтыкова,-
не того Салтыкова, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ . .

. . . . . .

а Николая Ивановича, служившаго при дворѣ отца, маленька
человѣчка съ огромной головой, глупымъ лицомъ и всегдашн
гримасой, которую удивительно представлялъ маленькій бра
Костя. Переходъ этотъ въ мужскія руки былъ для меня горе
разлученія съ милой Прасковьей Ивановной, прежней няне

. . . . . .

. . . . . .

Какой-то торжественный день, и мы ѣдемъ по Невско
въ огромномъ, высокомъ ландо; мы—два брата и Никол
Ивановичъ Салтыковъ. Мы сидимъ на первомъ мѣстѣ. Д
напудренныхъ лакея въ красныхъ ливреяхъ стоятъ сзад
Весенній яркій день. На мнѣ разстегнутый мундиръ, бѣл
жилетикъ и по немъ голубая андреевская лента, такъ
одѣтъ и Костя; на головахъ шляпы съ перьями, котор
мы то и дѣло снимаемъ и кланяемся. Народъ вездѣ ост
навливается, кланяется, нѣкоторые бѣгутъ за нами. On vo
salue,—повторяетъ Николай Ивановичъ.—A droite.

Проѣзжаемъ мимо гауптвахты и выбѣгаетъ караулъ. Этихъ всегда вижу. Любовь къ солдатамъ, къ военнымъ экзерициямъ у меня была съ дѣтства. Намъ внушали,—особенно бабушка, та самая, которая менѣе всѣхъ вѣрила въ это,—что всѣ люди равны и что мы должны помнить это. Но я зналъ, что тѣ, кто говоритъ такъ, не вѣритъ въ это.

Помню, разъ Саша Голицынъ, игравшій со мной въ бары, толкнулъ меня и сдѣлалъ больно.

— Какъ ты смѣешь!

— Я нечаянно. Что за важность!

Я чувствовалъ, какъ кровь прилила мнѣ къ сердцу отъ скорбленія и злобы. Я пожаловался Николаю Ивановичу, и мнѣ не было стыдно, когда Голицынъ просилъ у меня прощенія.

На нынче довольно. Свѣча догораетъ. И надо еще наколипать лучины, а топоръ тупъ, и наточить нечѣмъ, да и не умѣю.

---

16 декабря.

Три дня не писалъ. Былъ нездоровъ. Читалъ Евангеліе, но не могъ вызвать въ себѣ того пониманія его, того общенія съ Богомъ, которое испытывалъ прежде. Прежде много разъ думалъ, что человѣкъ не можетъ не желать. Я всегда желалъ и желаю. Желалъ прежде побѣды надъ Наполеономъ, желалъ умиротворенія Европы, желалъ освобожденія себя отъ короны; и всѣ желанія мои или исполнялись и, какъ только исполнялись, переставали влечь меня къ себѣ, или дѣлались неисполнимыми, и я переставалъ желать. Но пока исполнялись или становились неисполнимыми прежнія желанія, зарождались новыя, и такъ шло и идетъ до конца. Те-

перь я желалъ зимы, она настала; желалъ уединенія, почти достигъ этого; теперь желаю описать свою жизнь сдѣлать это наилучшимъ образомъ, такъ, чтобы принес пользу людямъ. И, если исполнится и если не исполнится, явятся новыя желанія. Вся жизнь въ этомъ.

И мнѣ пришло въ голову, что если вся жизнь—въ рожденіи желаній, и радость жизни—въ исполненіи ихъ, нѣтъ ли такого желанія, которое свойственно было бы ловѣку, всякому человѣку, всегда и всегда исполнялось или, скорѣе, приближалось бы къ исполненію? И мнѣ яс стало, что это было бы такъ для человѣка, который жела бы смерти. Вся жизнь его была бы приближеніемъ къ и полненію этого желанія, и желаніе это навѣрное испо нилось бы.

Сначала это мнѣ показалось страннымъ. Но, вдума шись, я вдругъ увидалъ, что это такъ и есть, что въ этом одномъ, въ приближеніи къ смерти,—разумное желаніе ч ловѣка. Желаніе не въ смерти, не въ самой смерти, а томъ движеніи жизни, которое ведетъ къ смерти. Движен же это есть освобожденіе отъ страстей и соблазновъ то духовнаго начала, которое живетъ въ каждомъ человѣкѣ. чувствую это теперь, освободившись отъ большей части то что скрывало отъ меня сущность моей души, ея единст съ Богомъ, скрывало отъ меня Бога. Я пришелъ къ этом безсознательно. Но если бы я поставилъ своимъ высшим благомъ (а это не только возможно, но такъ и долж быть), считалъ бы своимъ высшимъ благомъ освобожден отъ страстей, приближеніе къ Богу, то все, что придвига бы меня къ смерти: старость, болѣзни,—было бы исполн ніемъ моего единаго и главнаго желанія. Это такъ, и это чувствую, когда я здоровъ. Но когда я, какъ вчера и треть го дня, болѣю желудкомъ, я не могу вызвать этого чу ства и, хотя и не противлюсь смерти, не могу жела приближаться къ ней.

Да, такое состояніе есть состояніе сна духовнаго. Надо
окойно ждать.

Продолжаю вчерашнее. То, что я пишу про свое дѣт-
о, я пишу больше по разсказамъ, и часто то, что мнѣ
о меня разсказывали, перемѣшивается съ тѣмъ, что я
ыталъ, такъ что я не знаю иногда, что я пережилъ и что
шалъ отъ людей.

Жизнь моя вся, отъ рожденія моего и до самой тепе-
шней старости, напоминаетъ мнѣ мѣстность, всю покрытую
тымъ туманомъ, или даже поле сраженія подъ Дрезде-
мъ,—когда все скрыто, ничего не видно, и вдругъ тутъ и
мъ открываются островки, des éclaircies, въ которыхъ ви-
шь ни съ чѣмъ не соединенныхъ людей, предметы, со
хъ сторонъ окруженные непроницаемой завѣсой. Таковы
и дѣтскія воспоминанія. Эти éclaircies въ дѣтствѣ только
дко, рѣдко открываются среди безконечнаго моря тумана
и дыма, потомъ чаще и чаще; но даже теперь у меня есть
мена, не оставляющія ничего въ воспоминаніи. Въ дѣтствѣ
ихъ чрезвычайно мало, и чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ
ньше.

Я говорилъ объ этихъ просвѣтахъ перваго времени: смерти
нкендорфъ, прощаньи съ родителями, передразниваньи Ко-
: но и еще нѣсколько воспоминаній того времени теперь,
гда я думаю о прошедшемъ, открываются передо мной.
съ, напримѣръ, я совершенно не помню, когда появился
стя, когда мы стали жить вмѣстѣ, а между тѣмъ живо
иню, какъ мы разъ, когда мнѣ было не болѣе семи, а
стѣ—пяти лѣтъ, мы послѣ всенощной наканунѣ Рождества
или спать и, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ вышли изъ
шей комнаты, соединились въ одной кроваткѣ. Костя въ
кой рубашкѣ перелѣзъ ко мнѣ и началъ какую-то веселую
ру, состоящую въ томъ, чтобы шлепать другъ друга по го-
му тѣлу, и хохотали до боли живота и были очень сча-
ивы, когда вдругъ вошелъ въ своемъ расшитомъ кафтанѣ

съ орденами Николай Ивановичъ съ своей огромной, наш
рѣшной головой и, выпучивъ глаза, бросился на насъ и
какимъ-то ужасомъ, котораго я никакъ не могъ объясн
себѣ, разогналъ насъ и гнѣвно обѣщалъ наказать наст
пожаловаться бабушкѣ.

Другое памятное мнѣ воспоминаніе, уже нѣсколько позж
мнѣ было около девяти лѣтъ, — это — происшедшее у
бушки почти при насъ столкновеніе Алексѣя Григорьев
Орлова съ Потемкинымъ. Было это незадолго до поѣздки
бушки въ Крымъ и нашего перваго путешествія въ Мос
Какъ обыкновенно, Николай Ивановичъ приводитъ насъ
бабушкѣ. Большая, съ лѣпнымъ и расписнымъ потолк
комната полна народомъ. Бабушка уже причесанная.
лосы ея зачесаны кверху надо лбомъ и какъ-то особе
искусно заложены на темени. Она сидитъ въ бѣломъ пуд
мантѣ передъ золотымъ туалетомъ. Горничныя ея стоятъ н
нею и убираютъ ея голову. Она, улыбаясь, смотритъ
насъ, продолжая говорить съ большимъ, высокимъ, ши
кимъ генераломъ съ андреевской лентой и страшно ра
роченной щекой отъ рта до уха. Это—Орловъ, „Le balafré"

Я тутъ въ первый разъ видѣлъ его. Около бабушк
Андерсоны, левретки. Моя любимица Мими соскакиваетъ
подола бабушки и вскакиваетъ на меня лапами и лиж
въ лицо. Мы подходимъ къ бабушкѣ и цѣлуемъ ея бѣл
пухлую руку. Рука переворачивается, и загнутые пал
ловятъ меня за лицо и ласкаютъ. Несмотря на духи, я ч
ствую непріятный бабушкинъ запахъ. Но она продолжа
глядѣть на „Balafré" и говоритъ съ нимъ.

— Какофъ маладецъ, — говоритъ она, указывая
меня.—Вы ишо не витали его, графъ?—говоритъ она.

— Молодцы оба,—говоритъ графъ, цѣлуя руку мо
Костину.

*) Человѣкъ со шрамомъ

— Карашо, карашо,—говоритъ она горничной, надѣвающей ей на голову чепецъ. Горничная эта—Марья Степановна, набѣленная, нарумяненная, добродушная женщина, которая всегда ласкаетъ меня.

— Où est ma tabatière?

Ланской подходитъ, подаетъ открытую табакерку. Бабушка нюхаетъ и, улыбаясь, глядитъ на подходящую шутиху Матрену Даниловну...

1905 г.

Перепечатка разрѣшается.

ПРИМѢЧАНІЕ

КЪ

„Посмертнымъ запискамъ старца Ѳедора Кузьмича". В. Г. Черткова.

Въ своемъ предисловіи къ сборнику „Цвѣтникъ" Л. Н. Толстой высказываетъ нѣкоторыя весьма характерныя мысли о художественномъ творчествѣ. Онъ говоритъ, что „правду узнаетъ не тотъ, кто узнаетъ только то, что было, есть и бываетъ, а тотъ, кто узнаетъ, что должно быть"... „Всѣ словесныя сочиненія,—говоритъ онъ,—и хороши и нужны не тогда, когда они описываютъ, что было, а когда показываютъ, что должно быть; не тогда, когда они разсказываютъ то, что дѣлали люди, а когда оцѣниваютъ хорошее и дурное... Отъ этого и бываетъ то, что есть горы книгъ, въ которыхъ говорится о томъ, что точно было или могло быть; но книги эти всѣ—ложь... И бываетъ, что есть сказки, притчи, басни, легенды, въ которыхъ описывается... такое, чего никогда не бывало и не могло быть; и легенды, сказки, басни эти—правда, потому что онѣ показываютъ... въ чемъ правда Царствія Божія".

„Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича" могутъ служить яркимъ подтвержденіемъ такого отношенія Толстого къ своему художественному творчеству. Хотя онѣ и касаются дѣйствительнаго историческаго лица, но интересовало Льва Николаевича главнымъ образомъ не то, что на самомъ дѣлѣ произошло или не произошло съ этимъ лицомъ, а то, въ чемъ была бы правда Божія при тѣхъ условіяхъ, въ которыя оно было поставлено. Легенда, которую Толстой взялся разработать, трогала и волновала его не какъ болѣе или менѣе правдоподобное освѣщеніе дѣйствительнаго событія, а

какъ глубоко поразившее его выраженіе простонародная отношенія къ извѣстнымъ явленіямъ жизни. Записки эт написаны такъ живо, что, читая ихъ, забываешь, что он вымышлены, и ловишь себя на томъ, что принимаешь их за подлинную исповѣдь умершаго старца. А между тѣм старецъ этотъ не только ничего похожаго на эти „записки послѣ себя не оставилъ, но самъ онъ, какъ выясняется по слѣдними историческими изслѣдованіями, по всей вѣроя ности вовсе не былъ тѣмъ лицомъ, какимъ представило ег себѣ въ поэтической легендѣ народное воображеніе.

Настроеніе Льва Николаевича по отношенію къ свое работѣ надъ Ѳедоромъ Кузьмичемъ часто мѣнялось, какъ вообще съ нимъ нерѣдко бывало при его художественных работахъ. Въ дневникѣ его за 1905 г. отъ 6 октября м находимъ слѣдующую запись: „Кончилъ „Конецъ Вѣка“ читаю съ отмѣтками Александра I. Ужъ очень слабое и пу тапное существо. Не знаю, возьмусь ли за работу о немъ 12 октября: „Ѳедоръ Кузьмичъ все больше и больше захв тываетъ. Читалъ Павла. Какой предметъ! Удивительный“ 22 ноября: „Началъ Александра I... очень хочется писа Александра. Читалъ Павла и декабристовъ. Очень живо в ображаю“. 9 декабря: „Вчера продолжалъ Александра I 16 декабря: „Писалъ немного Александра I, но плохо 18 декабря: „Нынче началъ писать Александра I, но плох неохотно“. Послѣдняя запись въ дневникѣ объ этой рабо сдѣлана 23 декабря 1905 г.: „Не дотрагивался въ это врем ни до Александра I, ни до воспоминаній“.

Послѣ того Левъ Николаевичъ, повидимому, больше возвращался къ „Запискамъ старца Ѳедора Кузьмича“, произведеніе это, къ сожалѣнію, осталось въ совершен неоконченномъ видѣ.

Произведенія Л. Н. Толстого, изданныя „Посредникомъ“.

О Шекспирѣ и о драмѣ. Критическій очеркъ. Ц. 20 к.
Недѣланіе. Ц. 5 к.
Первая ступень. Ц. 6 к.
Для чего люди одурманиваются. Ц. $1^1/_2$ к.
Богу или маммонѣ? Ц. $1^1/_2$ к.
Голодъ. (Сборникъ статей). Ц. 15 к.
Мужчина и женщина. (Мысли о половомъ вопросѣ). Ц. 15 к.
Для чего мы живемъ? (Мысли о смыслѣ жизни). Ц. 10 к.
Афоризмы и избранныя мысли, собранныя Л. Никифоровымъ. Вып. 1-й. Ц. 30 к.
Единеніе. Избранныя мысли. Ц. 10 к.
Богъ. Избранныя мысли. Ц. 10 к.
Божественная природа души. Избранныя мысли. Ц. 12 к.
Свобода. Избранныя мысли. Ц. 10 к.
Въ чемъ счастье. Ц. 3 к.
Любовь. Ц. 3 к.
О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Ц. 2 к.
I. О самосовершенствованіи. II. О сознаніи духовнаго начала. Ц. 3 к.
Противъ толстовства. Ц. 3 к.
Неужели такъ надо? Ц. 2 к.
Надоѣло. Изъ временъ голода. Съ рис. Е. Бёмъ. Ц. 10 к.
Что же дѣлать? Ц. 3 к.
Что такое искусство? Ц. на простой бумагѣ 40 к.
I. Письмо къ китайцу. II. Китайская мудрость. Мысли китайскихъ мыслителей, собранныя Л. Н. Толстымъ. Ц. 15 к.
Праздникъ просвѣщенія 12-го января. Ц. 5 к.
Ручной трудъ и умственная дѣятельность. Ц. 4 к.
Тайная вечеря. (Текстъ къ картинѣ Н. Н. Ге). Ц. $^3/_4$ и $1^1/_2$ к.
I. Чьи мы? II. О вѣрахъ. Ц. 4 к.
Разговоръ съ прохожимъ. Ц. 4, 3 и 2 к.
Кто правъ? Ц. 5 к.

Мыслители древняго и новаго міра.

Изреченія китайскаго мудреца Лао-Тзе, избранныя Л. Н. Толстымъ. Ц. 3 к.
Конфуцій, китайскій мудрецъ. Жизнь и его ученіе. Составилъ П. А. Буланже. Подъ редакціей Л. Н. Толстого. Ц. 5 к.
Жизнь и ученіе Сиддарты Готамы, прозваннаго Буддой (совершеннѣйшимъ). Составилъ П. А. Буланже. Подъ редакціей Л. Н. Толстого. Ц. 25 к.
Ми-ти, китайскій философъ. Ученіе о всеобщей любви. Составилъ П. А. Буланже. Подъ редакціей Л. Н. Толстого. Ц. 5 к.
Изреченія Магомета. Избраны Л. Н. Толстымъ. Переводъ съ англ. С. Д. Николаева. Ц. 5 к.
Будда. Л. Н. Толстого. Ц. 2 к.
Французскіе мыслители Вовенаргъ, Ларошфуко, Лабрюйэръ. Переводъ Г. А. Русанова и Л. Н. Толстого. Ц. 75 к.
Изъ дневника Аміеля. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Ц. 40 к.
Торжество земледѣльца или трудолюбіе и тунеядство. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Крестьянина С. Т. Бондарева. Ц. 8 к.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Л. Н. Толстого

въ изданіи „ПОСРЕДНИКА“.

Хаджи-Муратъ. Цѣны 16 к., 12 к. и 14 к.
Отецъ Сергій. Цѣны 7 к., 5 к. и 6 к.
Дьяволъ. Цѣны 7 к., 5 к. и 6 к.
Фальшивый купонъ. Цѣны 7 к., 5 к. и 6 к.
Послѣ бала. Цѣны 3 к., 1½ к. и 2 к.
Алеша Горшокъ. Цѣны 2 к., 1 к. и 1½ к.
Что я видѣлъ во снѣ. Цѣны 3 к., 1½ к. и 2 к
«Отъ ней всѣ качества». Цѣны 3 к., 1½ к. и 2 к.
Дѣтская мудрость. Цѣны 6 к., 4 к. и 5 к.
«И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ». Цѣны 7 к., 5 к. и 6 к.
Записки сумасшедшаго. Цѣны 3 к., 1½ к. и 2 к.
Записки матери. Цѣны 3 к., 1½ к. и 2 к.
Ходынка. Цѣны 3 к., 1½ к. и 2 к.
Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича. Цѣны 5 к., 3 к. и 4 к.
I. Отецъ Василій. II. Іеромонахъ Исидоръ. Цѣны 3 к., 1½ к. и 2 к.
Разсказъ для дѣтей. Цѣны 2 к., 1 к. и 1½ к.
I. Кто убійцы? II. О судѣ. III. Два спутника. Цѣны 3 к., 1½ к. и 2 к.
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ. Цѣны 6 к., 4 к. и 5 к.
Исторія улья. Цѣны 2 к., 1 к. и 1½ к.
Тихонъ и Маланья.—Идиллія. Цѣны 6 к., 4 к. и 5 к.

Продаются въ книжномъ магазинѣ „ПОСРЕДНИКЪ“ (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Выписывать можно изъ главнаго склада изданій „ПОСРЕДНИКА“:
Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, **И. И. Горбунову.**

Отсюда же высылается полный каталогъ издательства безплатно.

Цѣна 5 коп.

ТИП П. П. РЯБУШИНСКАГО МОСКВА.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Posmertnyia zapiski startsa Fed
891.73 T654POS
D90355214T